

Принципы уголовно-исполнительного права: проблемы содержания и правовой регламентации

П. В. ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье представлен научно-теоретический анализ существующих в научной литературе точек зрения относительно содержания и перечня принципов уголовно-исполнительного права. Рассмотрены предложения по включению в уголовно-исполнительное законодательство новых принципов, изменению или исключению действующих. Обосновывается необходимость обеспечения полноты исполнения уголовного наказания, предусматривающей активное участие осужденных в исправительных и социально-реабилитационных программах, а также наполнения процесса исполнения наказания педагогическим (социально-реабилитационным) содержанием. Предлагается предусмотреть в уголовно-исполнительном законодательстве правовые механизмы, позволяющие облегчить положение осужденного с учетом его личностных характеристик, не дожидаясь заключительного этапа исполнения наказания, связанного с подготовкой к освобождению.

Ключевые слова: принципы уголовно-исполнительного права; дифференциация исполнения наказания; индивидуализация исполнения наказания; стимулирование правопослушного поведения; исправление осужденных.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Голодов П. В. Принципы уголовно-исполнительного права: проблемы содержания и правовой регламентации. *Ius publicum et privatum : семейной научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 3 (13), с. 46–54, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-46-54.

Principles of Penal Law: Content and Legal Regulation Issues

P. V. GOLODOV – professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article contains a scientific and theoretical analysis of the points of view presented in the scientific literature regarding the content and list of principles of penal law. We consider proposals on the inclusion of new principles in the penal enforcement legislation, and on modification or exclusion of existing ones. We substantiate the need to ensure comprehensive execution of criminal punishment, providing for active participation of convicts in reformation and social rehabilitation programs and adding the pedagogical (social rehabilitation) content to the process of execution of punishment. We propose to supplement penal enforcement legislation with legal mechanisms to mitigate the situation of convicts, taking into account their personal characteristics, without waiting for the final stage of execution of the sentence associated with the preparation for release.

Key words: principles of penal law; differentiation of the execution of punishment; individualization of the execution of punishment; stimulation of law-abiding conduct; reformation of convicts

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Golodov P. V. Principles of Penal Law: Content and Legal Regulation Issues. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 3 (13), pp. 46–54, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-46-54.

Принципы уголовно-исполнительного права, являясь исходным системообразующим базисом для построения и содержательного наполнения его норм и институтов, закреплены в ст. 8 УИК РФ. Они определяют содержание, характер и стратегию развития правового регулирования общественных отношений при исполнении уголовных наказаний и применении иных мер уголовно-правового характера, обеспечивают его системность, создают ориентиры для законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в указанной сфере, а также через систему норм и путем непосредственного действия влияют на практику исполнения уголовных наказаний¹.

Отдельные исследователи наряду с нормативно установленными принципами выделяют также доктринальные принципы уголовно-исполнительного права, которые формулируются учеными-юристами. Так, Е. А. Сизая отмечает, что увеличение числа принципов уголовно-исполнительного права за счет доктринальных повышает эффективность реализации правоотношений по исполнению уголовных наказаний². Соглашаясь в целом с весомой ролью юридической науки в развитии законодательства и правоприменительной практики, вместе с тем полагаем, что правовые принципы должны быть установлены исключительно в виде нормативных положений, получить обязательную объективацию в нормах уголовно-исполнительного законодательства. В противном случае они представляют собой лишь научные юридические идеи: законодательство и правоприменительная практика не могут непосредственно определяться ими.

В научной литературе также можно встретить суждение о том, что правовые принципы либо закрепляются прямо в законодательных актах, либо вытекают из содержания конкретных правовых норм³. Исчерпывающий перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства приведен в ст. 8 УИК РФ. Принципы же отдельных институтов уголовно-исполнительного права своего четкого выражения в законодательстве не получили, но все же в нем присутствуют и вытекают из конкретных правовых норм. Отдельные авторы отмечают, что формулирование правового принципа требует проведения глубокого анализа юридических норм и выявления руководящего начала, объективно определяющего их содержание⁴. Однако основой для первоначальной разработки принципов уголовно-

исполнительного права являются существующие в уголовно-исполнительной сфере объективные закономерности, проводимая государством уголовная и уголовно-исполнительная политика, а также наиболее значимые идеи юридической науки. Выводить правовые принципы из содержания самих норм права полагаем не вполне логичным, поскольку здесь следует четко различать, что первично, а что вторично.

В. А. Уткин обращает внимание на то, что «традиционное понимание правовых принципов лишь как "руководящих идей" сохраняет неоправданно высокую степень субъективности в определении как перечня принципов, так и содержания каждого из них»⁵. А. В. Бриллиантов и С. И. Курганов также указывают, что в ст. 8 УИК РФ принципы уголовно-исполнительного права только сформулированы, их содержание не раскрывается и имеет доктринальное толкование⁶.

Представляется, что, возводя в правовую норму принципы слишком общего (неконкретного) содержания, равно как и ставя перед уголовно-исполнительным законодательством слишком общие и неконкретные цели и задачи, мы тем самым нивелируем их значение, дезориентируем деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Но, с другой стороны, добиваясь определенности и конкретности в содержании принципов уголовно-исполнительного права, загоняя их в жесткие правовые рамки, мы таким образом снижаем мобильность и гибкость норм-принципов. Тем не менее закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве содержания правовых принципов способствовало бы более четкому их пониманию и правильному, более целостному применению в рамках правового регулирования отношений в сфере исполнения наказаний.

Анализ научных публикаций позволил установить, что большинство авторов придерживаются закрепленного в действующем законодательстве перечня принципов, уделяя основное внимание их содержанию и проблемам реализации в нормах уголовно-исполнительного законодательства и практике исполнения наказаний. Отдельные авторы предлагают скорректировать существующий перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства, дополнив его новыми принципами, изменив или исключив отдельные из них.

Например, И. В. Шмаров предлагал стимулирование правопослушного поведения

осужденных выделять в качестве самостоятельного принципа⁷. Ряд авторов вполне обоснованно полагают необходимым закрепить в УИК РФ принцип стимулирования не только правопослушного, но и ответственного, позитивного, социально активного поведения осужденных, обосновывая это тем, что пассивное правопослушное поведение осужденных в местах лишения свободы является лишь первым уровнем стимулирования, в большей мере обеспечиваемым не поощрением, а принуждением⁸.

Несколько иной позиции придерживается В. Е. Южанин. Он высказался за необходимость закрепления в УИК РФ принципа прогрессивной системы отбывания наказания с последующим его полным отражением в институтах и нормах этого закона. По его мнению, «прогрессивная система отбывания наказания должна стать своеобразной пенитенциарной идеологией, то есть принципом, который бы реализовывался через институты изменения условий отбывания наказания, подготовки осужденных к освобождению, досрочного освобождения и т. п.»⁹.

Данный принцип по своему содержанию представляется более широким, нежели просто стимулирование правопослушного поведения осужденных, поскольку предполагает этапность процесса исполнения (отбывания) наказания, формирование и реализацию целостной системы постепенного изменения условий отбывания наказания и уровня правоограничений осужденных в зависимости от этапа исполнения наказания и их поведения, а также охватывает и вопросы организации режима, обеспечения безопасности, привлечения к труду, осуществления воспитательных мероприятий и социального сопровождения в зависимости от этапа (ступени) отбывания наказания. Его реализация, на наш взгляд, должна предусматривать не только улучшение или ухудшение положения осужденного в зависимости от его поведения, но и усложнение процедур (оснований) повторного перевода на более льготные условия отбывания наказания осужденных, нарушающих установленный порядок.

С другой стороны, средства стимулирования правопослушного поведения, на наш взгляд, не охватываются полностью содержанием понятия «прогрессивная система отбывания наказания», так как в рамках стимулирования к осужденным применяются предусмотренные законом меры поощрения и взыскания, не ведущие напрямую к приме-

нению института прогрессивной системы, а также иные стимулы, в том числе влияющие на возможности социальной адаптации осужденных на постпенитенциарном этапе (приобретение новых социальных навыков, получение востребованной на рынке труда профессии, решение жилищной проблемы, восстановление социально полезных связей и т. п.).

Закрепленный в настоящее время в ст. 8 УИК РФ принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения представляется нам еще более узким по своему содержанию, поскольку ориентирует лишь на достижение рациональности в применении средств стимулирования.

В. А. Уткин высказывается о необходимости дополнительного закрепления в числе принципов уголовно-исполнительного права принципа участия общественности (гражданского общества) в уголовно-исполнительной деятельности и контроле за учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания¹⁰. Данную позицию разделяют и другие ученые, по мнению которых отсутствие этого принципа порождает непоследовательность, противоречивость и половинчатость решений, принимаемых в этом направлении, а закрепленный в УИК РФ принцип демократизма фактически и юридически заслонил собой принцип участия общественности¹¹. В то же время в научной литературе содержание принципа демократизма зачастую раскрывается именно через участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы, что нам представляется не совсем верным. Предлагаемое к нормативному закреплению в качестве правового принципа участие общественности в уголовно-исполнительной деятельности, на наш взгляд, должно ограничиваться лишь содействием персоналу уголовно-исполнительной системы, а также оказанием помощи осужденным и не предусматривать какие-либо полномочия общественности в сфере исполнения наказаний.

В. Б. Первозванский, А. Н. Антипов, Ю. Н. Строгович в своей научной публикации обращают внимание на то, что в уголовно-исполнительном законодательстве не нашлось места принципу социальной справедливости, которая, по их мнению, реализуется не только на стадии вынесения осужденному приговора суда, а «может считаться восстановленной только после того,

как наказание исполнено и осужденный уже отбыл положенное ему наказание (выплатил штраф, возместил нанесенный преступлением ущерб)»¹². Аналогичной позиции придерживается С. А. Сторожев, приводя в пример законодательство Таджикистана, Узбекистана и Украины¹³. Представляется, что, говоря об обеспечении социальной справедливости на стадии исполнения наказания, речь должна вестись, в первую очередь, о справедливом, обоснованном в глазах общества порядке исполнения наказания, устанавливаемых в отношении осужденных прав, обязанностей, ответственности, льгот и различного рода послаблений, уровня материально-бытового и социального обеспечения. Что же касается восстановления социальной справедливости при привлечении к уголовной ответственности за совершенное преступление, то, на наш взгляд, это должна быть одна из целей уголовно-исполнительного законодательства, по аналогии с уголовным законодательством.

А. Я. Гришко и Л. Е. Гришко предлагают закрепить в числе принципов уголовно-исполнительного права принцип патриотизма, что связано, по их мнению, с необходимостью более четкого отражения в уголовно-исполнительном законе национального достояния в сфере исполнения уголовных наказаний, условий их отбывания. Закрепление данного принципа также позволит реагировать на во многом предвзятое отношение отдельных международных организаций к российскому законодательству и практике его применения при исполнении наказаний с точки зрения обеспечения прав и свобод человека¹⁴.

Авторы учебника по уголовно-исполнительному праву России под редакцией В. Е. Эминова и В. Н. Орлова, проводя содержательный анализ принципа соединения наказания с исправительным воздействием, полагают более правильным говорить о его сочетании с некарательным исправительно-предупредительным (воспитательно-предупредительным) воздействием¹⁵. По всей видимости, данная точка зрения исходит из того, что указанный принцип заключается во взаимосвязанном применении мер, являющихся содержанием наказания (лишение и ограничение прав и свобод), с мерами, не составляющими содержание наказания, но направленными на повышение его эффективности¹⁶. Такое разграничение основано на разделении карательной сущности наказания (возмездие) и некарательной сущности исправительного воздействия, однако

не учитывается тот факт, что само понятие и содержание уголовного наказания тоже эволюционируют: все большее значение уделяется цели исправления. Иными словами, в данном случае мы соединяем общее с частным – реализацию наказания с реализацией одной из его частных целей¹⁷. Проиллюстрируем данный тезис на примере наказания в виде лишения свободы.

Российское уголовное законодательство не раскрывает подробно уголовно-правовое содержание наказания в виде лишения свободы. Согласно ст. 56 УК РФ данное наказание заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительное учреждение. Системный анализ целей уголовного наказания, целей, задач и основных институтов уголовно-исполнительного законодательства позволяет прийти к выводу, что лишение свободы не может состоять исключительно в формальной изоляции осужденного в местах лишения свободы на установленный приговором суда срок, но и должно предусматривать (фактически предусматривает) применение в отношении осужденного основных средств исправления, а также иных средств, способствующих исправлению, предупреждению совершения новых преступлений. Применение таких средств регламентировано уголовно-исполнительным законодательством и связано с установлением в отношении осужденных дополнительных обязанностей (работать в местах лишения свободы, участвовать в воспитательных мероприятиях, соблюдать распорядок дня и т. п.).

Полагаем, что незанятость осужденного трудом в условиях исправительного учреждения, его формальное участие в воспитательных мероприятиях, а зачастую и открытое противодействие реализации исправительного процесса являются нарушением порядка и условий отбывания наказания и даже скрытой формой уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы. То же самое можно сказать и о полноте исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества (например, когда осужденный, лишенный права управлять автотранспортным средством, продолжает это делать, но установить и закрепить данный факт не представляется возможным в силу отсутствия должного контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции; когда с осужденным к ограничению свободы воспитательная работа реализуется формально и т. п.).

Следовательно, актуальным видится признание принципа полноты исполнения уголовного наказания, предусматривающего активное вовлечение и интенсивное участие осужденных в исправительных и социально-реабилитационных программах (образовательных, трудовых, воспитательных, психокоррекционных, социально-адаптационных и др.), при условии более подробного определения содержания конкретных видов уголовных наказаний в уголовном, а не уголовно-исполнительном (по сути, процессуальным) законодательстве, а также создания в учреждениях, исполняющих наказания, действенной социально-реабилитационной среды, основанной на профессионализме персонала и применении единых педагогических принципов работы с осужденными. Здесь может возникнуть следующий вопрос: а могут ли воспитательные и иные мероприятия, направленные на исправление осужденного, составлять содержание наказания, или же они реализуются дополнительно к нему? Если не могут, тогда из чего вытекает обязанность осужденного участвовать в данных мероприятиях, кто и на каком основании оказывает исправительно-предупредительное воздействие на осужденных вне процесса исполнения наказания? Ведь суд приговаривает только к наказанию, а не к принудительному участию в исправительных программах и воспитательных мероприятиях. Поэтому, безусловно, данные программы (мероприятия) реализуются для достижения целей наказания, в рамках наказания, а не в отрыве от него.

Возможно, данный принцип охватывается или частично присутствует в содержании принципов соединения наказания с исправительным воздействием, а также рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Полагаем, что его смысловое понимание должно быть ориентировано на обеспечение полноты исполнения уголовного наказания, то есть реализацию всех его содержательных составляющих, ориентированных на достижение целей наказания. Данный принцип направлен в том числе на обеспечение неотвратимости исполнения уголовного наказания. Представляется, что уклонением от отбывания наказания в виде лишения свободы необходимо считать не только побег или неприбытие осужденного в исправительное учреждение, но и отказ от работы, участия в воспитательных мероприятиях, противодействие администрации (исправительному

воздействию), принадлежность к группам отрицательной направленности, негативное влияние на других осужденных (распространение криминальной субкультуры). Все это должно вести к исключению определенных периодов из срока отбытого наказания, хотя и четко определить продолжительность данных периодов довольно трудно. Процесс исполнения наказания и процесс его отбывания должны быть взаимосвязанными, то есть не только государство должно в полной мере исполнять назначенное судом наказание, но и осужденный должен отбывать его полностью, учитывая все его карательные и исправительные компоненты, поскольку сама по себе изоляция не позволяет достигать всех целей наказания. В связи с этим представляются интересными в научном плане предложения отдельных авторов не включать в общий срок отбывания наказания в виде лишения свободы периоды содержания осужденных в штрафном изоляторе, помещении камерного типа и едином помещении камерного типа¹⁸. Схожие правовые последствия, на наш взгляд, должен повлечь и факт признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, однако период, на который осужденный признается злостным нарушителем, законодательно не определен.

Учитывая вышесказанное, полагаем возможным говорить не о соединении наказания с исправительным воздействием, а о педагогизации процесса исполнения наказания, его наполнении социально-реабилитационным (исправительным) содержанием, создающим основу для организации деятельности исправительного учреждения, работы его персонала с осужденными по формированию ценностных установок и убеждений, основанных на нормах права и морали, традиций человеческого общежития и патриотизма. При этом также следует учитывать, что духовную дефицитность можно преодолеть только в соответствующей среде, исключающей влияние криминальной субкультуры, предусматривающей социально-педагогическое (воспитательное) наполнение, создающей условия и стимулы для личностного саморазвития осужденных.

Е. А. Сизая полагает также необходимым включить в ст. 8 УИК РФ принцип закрепления результатов исполнения уголовных наказаний и оказания помощи освобожденным в социальной адаптации¹⁹. В данном случае речь идет о расширении предмета уголов-

но-исполнительного права за пределы непосредственного этапа исполнения наказания, что не предусмотрено действующим уголовно-исполнительным законодательством. Учитывая, что исполнение уголовного наказания осуществляется на основании приговора суда, на наш взгляд, отношения, складывающиеся по поводу социальной адаптации осужденных после отбытия ими установленного приговором суда наказания, не могут составлять предмет уголовно-исполнительного права, хотя и реализуются в том числе в целях предупреждения совершения ими новых преступлений, а также в целях их ресоциализации – восстановления социальных связей, полностью или частично утраченных в виду вынужденной изоляции от общества. Кроме того, оказание помощи осужденным в их социальной адаптации, на наш взгляд, представляет собой в большей мере задачу уголовно-исполнительного законодательства, направление деятельности уголовно-исполнительной системы, а не руководящую идею-принцип. Задача социальной адаптации бывших осужденных стоит не только перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы (они реализуют ее на этапе исполнения наказания) и достигается не только в рамках реализации уголовно-исполнительного законодательства. На учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, возложены и иные задачи, кроме собственно исполнения наказания. Следовательно, задачи ресоциализации и социальной адаптации бывших осужденных могут реализовываться ими и не в рамках уголовно-исполнительного законодательства. В связи с этим представляется возможным не расширять предмет уголовно-исполнительного права, а решать эти задачи путем возложения дополнительных функций на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы.

Интересной в научном плане представляется идея В. Е. Южанина о возможности реализации в деятельности исправительных учреждений модели отношений, связанных с компромиссами, то есть установить для осужденных, проявивших стремление к исправлению и вступивших в компромисс с персоналом, минимальный набор принудительных элементов, обеспечивающих реализацию наказания²⁰. И действительно, в настоящее время внимание уголовно-исполнительного законодательства да и правоприменительной практики тоже главным образом сосредоточено на отрицательно характеризующихся осужденных, а не на

искренне стремящихся к исправлению, не представляющих большой опасности. Находясь в общей массе осужденных, их главная задача – «выжить» в условиях исправительного учреждения, а не исправиться. В связи с этим представляется, что в уголовно-исполнительном законодательстве должны быть предусмотрены легальные механизмы, позволяющие облегчить положение осужденного с учетом его личностных характеристик, не дожидаясь заключительного этапа исполнения наказания, связанного с подготовкой к освобождению. В настоящее время это лишь незначительные послабления с оставлением в том же коллективе осужденных. Создание подобных механизмов, ориентированных не на типичное, а на единичное (уникальное) в уголовно-исполнительных отношениях (с учетом личности и поведения конкретного осужденного, а также иных обстоятельств), стало бы реальным воплощением принципа гуманизма при исполнении наказаний, позволило бы конкретизировать (преломить) его содержание в нормах уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практике. Без такой его конкретизации «человек в системе исполнения наказания так и останется “за кадром”, “за ширмой” общих, ни к чему не обязывающих юридических формулировок»²¹. Например, в качестве подобного механизма можно назвать создание исправительного учреждения или участка исправительного учреждения для содержания положительно характеризующихся осужденных, а также законодательное установление возможности (в исключительных случаях по результатам комплексного комиссионного обследования) перевода положительно характеризующегося осужденного на более открытые (льготные) условия отбывания наказания.

В наиболее систематизированном виде юридическая проработка перечня и содержания принципов уголовно-исполнительного права проведена научным коллективом под руководством В. И. Селиверстова в рамках подготовки научно-теоретической модели Общей части УИК РФ (в модели предлагается дополнение и раскрытие в самостоятельных статьях всех принципов уголовно-исполнительного законодательства). Авторами научно-теоретической модели наряду с уже существующими предлагаются новые принципы (справедливости, целесообразности, экономии принуждения, участия общества и граждан в исправлении осужденных и в обеспечении их прав и закон-

ных интересов), некоторые получили новые формулировки (равенства граждан перед законом, соединения наказания с исправительно-предупредительным воздействием, стимулирования правопослушного поведения и общественно полезной активности осужденных)²².

Научный интерес представляет приведенный в модели принцип целесообразности, который определяет, что порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера строго соотнобразуются с целями восстановления социальной справедливости, исправления осужденных, предупреждения преступлений осужденными и иными лицами. Данный принцип, на наш взгляд, имеет исходное, системообразующее значение. Его правовое закрепление придало бы целостность и содержательную полноту всей системе принципов уголовно-исполнительного права, позволило бы сориентировать уголовно-исполнительное законодательство и уголовно-исполнительную практику на достижение целей уголовного наказания при условии, что в самом уголовно-исполнительном законодательстве, его институтах и нормах будут расставлены соответствующие акценты, созданы механизмы его неукоснительного воплощения.

Авторами модели также предлагается принцип экономии принуждения, хотя предпочтительнее представляется использование существующего принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения как более комплексного. Здесь также стоит учитывать, что меры принуждения реализуются в отношении осужденных в строгом правовом порядке и административное усмотрение, в том числе направленное на экономию репрессии, при их выборе в значительной степени ограничено.

В научной литературе можно встретить и другие предложения относительно уточнения перечня принципов уголовно-исполнительного права. Например, к числу таких принципов И. Ю. Рожкова предлагает относить принцип правовой определенности, поскольку с поиском определенности в праве часто связано возникновение юридических конфликтов и правовых споров, а ее отсутствие в правовом регулировании ведет к неограниченному усмотрению в процессе правоприменения и, как следствие, к произволу²³. Профессор Л. М. Колодкин говорит о необходимости теоретической

разработки понятия разумности правоприменения в сфере исполнения наказаний, представляющей собой требование законности и справедливости во взаимоотношениях субъектов уголовно-исполнительных правоотношений²⁴.

В ст. 1 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» установлены принципы деятельности уголовно-исполнительной системы, в числе которых предусмотрен принцип уважения прав человека. Данный принцип видится на современном этапе значимым и применительно к уголовно-исполнительному праву в целом, хотя содержательно он может охватываться и принципом законности. В частности, представляются актуальными обеспечение и защита частной жизни и персональных данных осужденных, особенно в условиях мест лишения свободы.

Подводя итог проведенному научно-теоретическому исследованию принципов уголовно-исполнительного права, можно констатировать, что, несмотря на стабильность данных принципов в уголовно-исполнительном законодательстве, дискуссия по поводу их изменения и дополнения в научном сообществе продолжается. Предлагаются уточнение и конкретизация отдельных принципов, правовое закрепление новых – от общих системообразующих (принципы социальной справедливости, целесообразности, правовой определенности, разумности правоприменения, прогрессивной системы отбывания наказания) до более частных (специальных) по своему содержанию (принципы экономии принуждения, закрепления результатов исполнения уголовного наказания, участия общественности в уголовно-исполнительной деятельности и др.). Рассматриваемые правовые принципы должны стать основой для структурного построения и содержательного наполнения норм и институтов уголовно-исполнительного права, основой для их понимания и толкования, дальнейшей конкретизации и практической реализации. При этом теоретико-методологический концепт, который должен быть положен в основу формирования принципов уголовно-исполнительного права и уголовной политики, создающий не только основу деятельности уголовно-исполнительной системы, но и стратегические ориентиры для ее развития, состоит в обращении к человеку с учетом его индивидуальности (уникальности) и духовной сущности,

в признании возможности его исправления. Решение данной задачи требует разработки четких содержательных ориентиров в реализации исправительно-предупредитель-

ного воздействия на осужденных, определения соответствующих критериев оценки их личности и поведения в период отбывания наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России : учеб. / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2013. С. 34.

² См.: Сизая Е. А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 44–45.

³ См.: Середа И. М., Загайнова Ю. В. К вопросу о понятии и признаках принципов уголовно-исполнительного права // Рос. следователь. 2014. № 10. С. 45–47.

⁴ См.: Сизая Е. А. Методология возникновения, обоснования и изменения принципов уголовно-исполнительного законодательства // Пробелы в рос. законодательстве. 2008. № 1. С. 235.

⁵ Уткин В. А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 50.

⁶ См.: Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учеб. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2014. С. 116.

⁷ См.: Бутенко Т. П. Принципы уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительного законодательства // Вестн. АмГУ. 2016. № 74. С. 63–66.

⁸ См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая часть : учеб. / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2017. С. 53.

⁹ Южанин В. Е. Проблемы социальной адаптации осужденных при подготовке их к освобождению из исправительных учреждений // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 15–21.

¹⁰ См.: Уткин В. А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность. С. 53.

¹¹ См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. С. 46–48.

¹² Первозванский В. Б., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. К вопросу о принципах уголовно-исполнительного законодательства // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 22–25.

¹³ См.: Сторожев С. А. Справедливость как принцип уголовно-исполнительного законодательства России и некоторых стран СНГ // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выст. и докл. участ. IV Междунар. пенитенциар. форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т. (г. Рязань, 20–22 ноября 2019 г.). Рязань, 2019. Т. 2. С. 243–246.

¹⁴ См.: Гришко А. Я., Гришко Л. Е. Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2019. № 4 (48). С. 120–124.

¹⁵ См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. С. 54–56.

¹⁶ См.: Бриллиантов А. В. О содержании и значении принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 6 декабря 2019 г.). Вологда, 2020. С. 36–42.

¹⁷ См.: Потапов А. М., Катанов А. В. О содержании принципа соединения наказания с исправительным воздействием на осужденных к лишению свободы // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 35–39.

¹⁸ См.: Санташова Л. Л., Худякова Е. А. Совершенствование правового регулирования мер поощрений и взысканий, применяемых к осужденным к лишению свободы // Там же. 2019. Т. 13, № 2. С. 249–256.

¹⁹ См.: Сизая Е. А. Методология возникновения, обоснования и изменения принципов уголовно-исполнительного законодательства. С. 237.

²⁰ См.: Южанин В. Е. Проблема компромиссов с осужденными в механизме реализации наказания в виде лишения свободы // Уголов.-исполнит. право. 2014. № 1. С. 28–30.

²¹ Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. С. 45.

²² См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 63–90.

²³ См.: Рожкова И. Ю. Принцип правовой определенности на примере уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выст. и докл. участ. IV Междунар. пенитенциар. форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т. (г. Рязань, 20–22 ноября 2019 г.). Т. 5. С. 148–152.

²⁴ См.: Колодкин Л. М. Принцип законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 44–47.

¹ Sm.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii : ucheb. / pod red. V. I. Seliverstova. M., 2013. S. 34.

² Sm.: Sizaya E. A. Doktrinal'ny'e principy` ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2008. № 4. S. 44–45.

³ Sm.: Sereda I. M., Zagajnova Yu. V. K voprosu o ponyatii i priznakax principov ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Ros. sledovatel'. 2014. № 10. S. 45–47.

⁴ Sm.: Sizaya E. A. Metodologiya vzniknoveniya, obosnovaniya i izmeneniya principov ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Probely` v ros. zakonodatel'stve. 2008. № 1. S. 235.

⁵ Utkin V. A. Demokratizm ugolovno-ispolnitel'nogo prava: deklaraciya ili real'nost` // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2011. № 1 (72). S. 50.

⁶ Sm.: Brilliantov A. V., Kurganov S. I. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossijskoj Federacii : ucheb. / pod red. A. V. Brilliantova. M., 2014. S. 116.

⁷ Sm.: Butenko T. P. Principy` ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Vestn. AmGU. 2016. № 74. S. 63–66.

⁸ Sm.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshhaya chast` : ucheb. / pod red. V. E. E'minova, V. N. Orlova. M., 2017. S. 53.

⁹ Yuzhanin V. E. Problemy` social'noj adaptacii osuzhdennyx` pri podgotovke ix k osvobozhdeniyu iz ispravitel'ny'x uchrezhdenij // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 1 (29). S. 15–21.

¹⁰ Sm.: Utkin V. A. Demokratizm ugolovno-ispolnitel'nogo prava: deklaraciya ili real'nost`. S. 53.

¹¹ Sm.: Uголовно-исполнительное право России. Общехая часть . S. 46–48.

¹² Pervozvanskij V. B., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. K voprosu o principax uголовно-исполнительного zakonodatel'stva // Uголов.-исполнит. sistema: pravo, e'konomika, upravlenie. 2015. № 5. S. 22–25.

¹³ Sm.: Storozhev S. A. Spravedlivost' kak princip uголовно-исполнительного zakonodatel'stva Rossii i nekotory'x stran SNG // Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie : sb. tez. vy'st. i dokl. uchast. IV Mezhdunar. penitenciar. foruma (k 140-letiyu uголовно-исполнительной sistemy' Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii) : v 10 t. (g. Ryazan' , 20–22 noyabrya 2019 g.). Ryazan' , 2019. T. 2. S. 243–246.

¹⁴ Sm.: Grishko A. Ya., Grishko L. E. Princip patriotizma v uголовно-исполнительном prave // Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii. 2019. № 4 (48). S. 120–124.

¹⁵ Sm.: Uголовно-исполнительное право России. Общехая часть . S. 54–56.

¹⁶ Sm.: Brilliantov A. V. O sodержanii i znachenii principov uголовно-исполнительного zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Uголовное nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy' naznacheniya i ispolneniya : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 6 dekabrya 2019 g.). Vologda, 2020. S. 36–42.

¹⁷ Sm.: Potapov A. M., Katanov A. V. O sodержanii principa soedineniya nakazaniya s ispravitel'ny'm vozdejstviem na osuzhdenny'x k lisheniyu svobody' // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 4 (28). S. 35–39.

¹⁸ Sm.: Santashova L. L., Xudyakova E. A. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya mer pooshhrenij i vzy'skanij, primenyaemy'x k osuzhdenny'm k lisheniyu svobody' // Tam zhe. 2019. T. 13, № 2. S. 249–256.

¹⁹ Sm.: Sizaya E. A. Metodologiya vozniknoveniya, obosnovaniya i izmeneniya principov uголовно-исполнительного zakonodatel'stva. S. 237.

²⁰ Sm.: Yuzhanin V. E. Problema kompromissov s osuzhdenny'mi v mexanizme realizacii nakazaniya v vide lisheniya svobody' // Uголов.-исполнит. pravo. 2014. № 1. S. 28–30.

²¹ Uголовно-исполнительное право России. Общехая часть . S. 45.

²² Sm.: Общехая часть нового Uголовно-исполнительного kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V. I. Seliverstova. M., 2017. S. 63–90.

²³ Sm.: Rozhkova I. Yu. Princip pravovoj opredelennosti na primere uголовно-исполнительного zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie : sb. tez. vy'st. i dokl. uchast. IV Mezhdunar. penitenciar. foruma (k 140-letiyu uголовно-исполнительной sistemy' Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii) : v 10 t. (g. Ryazan' , 20–22 noyabrya 2019 g.). T. 5. S. 148–152.

²⁴ Sm.: Kolodkin L. M. Princip zakonnosti i princip razumnosti v sfere ispolneniya nakazaniy i sposoby' ix obespecheniya // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 2 (18). S. 44–47.